

**ГАЛИНА
ГУБАЙДУЛЛИНА**

КОЛОНИСТЫ 3 ЧАСТЬ

18+

Галина Губайдуллина

Колонисты. Часть 3

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Губайдуллина Г. И.

Колонисты. Часть 3 / Г. И. Губайдуллина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Прошло ещё несколько лет. Пенджаб, город Мога. Инженер железнодорожного сообщения Осмунд Данкарт приехал поправить бизнес Эллери. Подколки и сарказм так и сыплются с него. На балу, где Осмунд присматривает женихов для племянницы Элизабет Кьюб, его раздражает языкастая Хитер. Из вредности Осмунд пытается соблазнить Хитер, пробравшись в лабораторию, так началась их длительная война с колкостями, иронией и поползновениями всякого рода со стороны Осмунда. Хьюго Стронгхольд страстно полюбил индийскую танцовщицу-проститутку Шррадху. Лайнус Стронгхольд разгоняет всех женихов Элизабет Кьюб. Далее происходят кардинальные и драматические события этих семей...

© Губайдуллина Г. И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Полдень 12 февраля 1.878 года. Индия, город Мога в британской колониальной провинции Пенджаб, разделённой на 43 княжества.

Хьюго Стронгхольд с тоской глядел в окно из дома на буйство расцветших цветов. Пришла очередная весна, которая не несла никакой радости для его души.

Синий бархат штор с кистями окутывал наполовину зону кабинета, разделяя кабинет и гостиную. У окна рябые шторы из той же ткани, что и обшивка стен.

У белой стены справа постамент со скульптурой птицы, поднявшей крылья, в нише которой расположился газовый светильник.

На резном столе чёрная статуэтка скачущего всадника. Простое кожаное коричневое кресло.

На потолке белые балки крест-накрест, образующие квадраты. Простые круглые люстры. Паркет в крупный крестик.

Над столом в рамках редкое оружие, иллюстрации бывших лошадей хозяина.

Мужчина вслух сказал то, что накопело:

–Как хочется иногда сказать заветные слова: «Я люблю тебя» женщине... а некому...

В комнату постучали. В комнату вошла жена Дороти. С годами она стала ещё неприглядней. Женщина покосилась на начатый бренди.

–У тебя запой уже который день... – вздохнула она.

–У меня праздник Пришествия Весны.

–У тебя неделю уже праздник, таких праздников не бывает.

–Мама уже привыкла к моим выпивкам, так ты теперь нервы мотаешь... Я выпил сегодня чуть-чуть!

–Скажи правду, Хьюго, у тебя полно женщин, да?

–У тебя есть занятия для души: дети, вязание, мне же, чтоб не иссохнуть от скуки, приходится пить. А где выпивка, там и женские компании развесёлых и доступных особей.

–Не надо прикрывать свою похоть рюмкой виски!

–Меня, честное слово, не тянет на чужих баб без допинга алкоголя.

–Значит, спиртное тебе нужно для храбрости, которая дремлет, пока ты трезв!?

–Не смей называть меня трусом!

–Скажи, Хьюго, у тебя есть постоянная любовница?

–Нет. Так, всегда разные шлюшки в борделях... Как там девочки?

–Хельда разучивает танцы с учителем, Хлоя играет с куклами.

–Как-то они не очень находят общий язык с Захари...

–Он же мальчик, ему бывает скучно с девочками.

–Дороти, шла бы ты к детям или к своим моткам пряжи... Что приходила-то?

–Полюбоваться на тебя.

–А, на мою пьяную физиономию, понимаю, – засмеялся Хью.

–Ты всегда гонишь меня!

–Да! Я люблю затворничество!

Детская. Кучерявый Захари, больше похожий на Хьюго, чем на отца, упоённо рисовал. Дороти ласково спросила у Захари, склоняясь над его рисунком:

–Малыш, что ты рисуешь на этот раз?

–Корабли.

–Опять корабли? Наверное, ты станешь капитаном.

–Хочу уплыть туда, где меня любят.

–Захари, но мы все тебя любим!

– Меня любит только бабушка Фредерика, но и она не часто подходит ко мне... В этом доме она выполняет много работы, тогда как бабушка Руди только чай распивает.

В детскую вошла Рудольфа. Захари сухо кивнул ей. Хлоя встала с колен и сделала реверанс, усевшись вновь за игрушки. А Хельда, не обращая внимание на упрёки учителя танцев, бросилась к бабушке, весело смеясь. Пожилая женщина слегка обняла девочку. Хельда росла некрасивой, как мать. Тогда как младшая Хлоя уродилась похожей на Рудольфу, только волосы были кучерявы, как у родителей. Бабушку радовал даже холодный характер младшей внучки, она сама раньше не рассыпалась на чувства.

Свекровь интересовалась у снохи:

– Ты, как я поняла, была у Хьюго?

– У него опять перепады настроения, никого не хочет видеть...

– Ветер подул в другую сторону, вот у нашего Хьюго настроение сменилось. Ведь играет он иногда с девочками и племянником. И вы, конечно, опять поссорились?

– Как всегда.

– А ты представь, что на планете вы вдвоём, как Адам и Ева, и надо выжить любой ценой. Твои действия?

– Я пойду к нему и помирюсь. Иначе кто построит мне дом и защитит от диких зверей?

– Ну, так иди и мирись.

– Но...

– Или он не единственен в мире для тебя?

– Нет, не пойду. У меня есть гордость.

– Гордые женщины зачастую остаются без мужа.

– Я сама разрушила свою личную жизнь. Со мной живут из жалости... Что может быть ужаснее?

– Не надо говорить такое при детях. Четыре и три года – это возраст, когда дети начинают осознавать происходящее и запоминать.

13 апреля. Утром Эллери Данкарт вошёл в комнату жены. Рут и темноволосая Зефирина сидели на стульях, а две служанки накручивали их волосы на металлические шипцы. Этот способ завивки недавно придумал французский парикмахер Марсель.

На светло бежевых стенах был золотой объёмный узор в виде витых прямоугольников, в нескольких таких нишах вставлены зеркала.

Кровать с изголовьем в виде большого кофейного цвета пуфа с обводкой из резкой слоновой кости. Белое стёганое покрывало.

Серые стулья и кресла с тем же орнаментом из слоновой кости.

Белый трельяж с букетом оранжевых роз в белой вазе.

Белый столик, заставленный чёрными и бронзовыми статуэтками лошадей и слонов, пара хрустальных ваз.

Белые шкафчики, белый пол.

– Эти женщины только и знают, что с утра до вечера завивать волосы, – заворчал глава семьи.

И он покрутил бумагами перед лицом жены.

Спрашивал её:

– Когда ты кончишь транжирить деньги? Это вот последние счета. Все скопом навалились на бедного Эллери – жена, обстоятельства, кредиторы, все, все пьют мою кровь.

– Ну, прости, – без доли сострадания молвила женщина.

– Ты хочешь, чтобы нас выгнали на улицу?

Зефирина испуганно скуксилась и заплакала.

Рут недовольно сказала:

–Ты запугал ребёнка.

Мужчина выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

Он пошёл по коридору, пока не наткнулся за поворотом на старшего брата.

Эллери скорее удивлённо, чем радостно вопрошал:

–Осмунд! Ты ещё не свернул шею где-нибудь в Гималаях?

–Вижу: ты очень рад видеть меня здоровым и весёлым.

–Надолго в родные пенаты?

–Решил взяться за ум, осесть на родной земле.

–И где твоя родная земля? Где-нибудь у истоков Ганга?

–Нет, Эллери, она там, где ты стоишь.

–Тебя столько лет не было, я вёл хозяйство, как мог.

–Да-да, я в курсе. Результаты плачевны.

И старший брат красноречиво обвёл глазами голые стены.

Осмунд иронизировал:

–Не знал, что ты сторонник минимализма.

–Моя часть наследства почти иссякла... Я зарабатываю иногда кое-чем, но у меня такая транжира жена...

–Молочный завод – банкрот?

–Ну да.

–Я его выкупаю у тебя.

–Возьми меня в долю.

–Хочешь идти быстро – иди один.

–И чего тебе не сиделось в конторе железных дорог?

–А я и в конторе буду сидеть.

–Я думал, ты отпустил бороду наподобие нашего генерал-губернатора Индии Роберта Бульвер-Литтона, чтоб в горах лицо не обморозить...

–Хорошая шутка, но не всем женщинам нравятся мужчины с бородой.

Зефирина играла в детской в миниатюрную резную мебель из слоновой кости: здесь были и комод с чашечками, арфа, клавесин, шкафчик с зеркалами.

Гувернантка сделала реверанс вошедшим братьям Данкарт.

Отец окликнул дочь:

–Цветок мой, посмотри, это мой брат, твой дядя Осмунд.

Лицо девочки являло полную копию своей матери.

–От нас только фамилия,– вздохнул Эллери,– Хотя родилась вроде, как светлой, потом темнела и темнела.

Ребёнок серьёзно посмотрел на незнакомца.

Спросила:

–Дядя Осмунд, а, правда, что облака – это пар?

–Да, малышка.

–Тогда как из них льёт дождь?

–Пар же мокрый, и вот, когда одежды святых намокают, они выжимают их на наши головы.

Девочка рассмеялась.

–Вы это не серьёзно, да?

–Кто знает, как там на небесах. Я умею пока только строить железные дороги для поездов.

–Понятно,– кивнула Зефирина и принялась опять играть в куклы.

Осмунд поинтересовался:

–Ты хоть видишь своих родителей?

Ребёнок лениво отвечал:

–За трапезой. В остальное время они: то укладывают причёски, то принимают ванны, то ещё заняты чем-нибудь.

–Чем-нибудь пустым,– закончил фразу за ребёнка дядя, и, глядя на младшего брата, притворно удивлялся,– Как ты время выкроил завести ребёнка, ведь такой у тебя загруженный график работы?

За обедом Осмунд разглядывал повзрослевшую Элизабет, упрекал младшего брата:

–Как ты мог не выдать замуж такую красавицу? Ты даже этого не смог сделать! Ей уже 21 год!

–Простите меня,– опустив голову, оправдывался Эллери перед племянницей и братом,– Я истратил своё наследство и приданое Либби.

Рут сидела с отсутствующим видом. Зефирина вообще не вникала в разговоры взрослых, тщательно пережевывая еду.

–Если ты продашь все побрякушки из слоновой кости в доме, то наскребёшь на очень приличное наследство для Элизабет,– указал Осмунд.

–Эти безделушки так любит Рут...– выскочило у Эллери.

Осмунд грозно поднял брови на него.

–Я подумаю над твоими словами,– кивнул провинившийся.

Старший дядя покровительственным тоном успокаивал племянницу:

–Дорогая, мы сделаем всё возможное, чтобы ты стала счастливой.

Вернувшийся в родной дом заметил, что Рут уже несколько раз налила себе бренди.

Молодая женщина встретилась с Осмундом глазами и предложила и ему:

–Выпьешь?

–Хорошо, налей немного.

Он наблюдал, как Рут преображается, становится хохотливой и довольной жизнью. Она рассказывала какие-то забавные истории из жизни города и сама смеялась громче всех. Осмунд же с каждой выпитой рюмкой становился мрачнее. И когда раскрепощённая невестка положила ему руку на колено, он с силой сбросил эту руку.

–А ещё мы ставим пари на скачках,– закончила фразу Рут.

–Какие убогие у вас развлечения,– заметил Осмунд, намекая невестке на её развязанность.

–Осс, а ты придумал для нас оригинальную, разнообразную программу времяпровождения?– поинтересовался, злопыхая, Эллери.

–Наглядевшись на вас, я, вероятно, очень скоро вновь сбегу из дома,– в тон ему полушутя отвечал брат.

Рут, закатив глаза, напутствовала:

–Беги, Осмунд, беги: здесь такая скука.

Деверь отвечал ей:

–Скучают скучные люди. Ты не пробовала читать, Рут? Собирать гербарии? Ловить редких бабочек? Нарожать побольше детишек?

Эллери подхватил тему:

–Кстати, о детях, Осс! Когда ты обзаведёшься женой?

–Любовь, как злая собака, гналась за мной по пятам, но я увёртывался и смеялся над неуклюжими попытками монстра схватить меня. У признанных красавиц я искал моральные недостатки, а в умных девицах находил физические несовершенства.

Зефирина перестала кушать и уставилась на дядю.

Рут усмехнулась:

–О попытках Вас женить, Вы рассказываете, словно о страшной истории. Боюсь, все мы сегодня не уснём.

–Конечно! Ведь то были попытки похитить самое дорогое – моё сердце,– специально страшным голосом для маленькой племянницы говорил Осмунд.

–Ты избаловался на Гималайских курортах с отдыхающими дамами,– заметил брату Эллери.

Тот соглашался:

–Не без этого. И вообще: свою свободу я лелею. Зачем мне сдерживающий фактор для накопления капитала? Зачем мне особа, которая будет требовать к своей персоне повышенного внимания?

Рут напомнила:

–А мой папа мечтает женить Вас на одной из моих сестёр.

–Я не намерен жениться в ближайшее время. А вот для Либби устрою бал. Хочу пригласиться к местным холостякам.

1 мая в коридоре Рудольфа поцеловала уезжающего на службу Хьюго, обещала ему:

–Поезжай спокойно, сынок, я позабочусь о твоих дочерях.

Затем она вошла в комнату Нолана. Тот прихорашивался перед зеркалом для бала у Данкартов.

Стены и пол в кабинете отделаны светло коричневым мрамором.

Изящный белый стол с искривлёнными ножками. Серо-голубые шторы и штоф на стульях и абажуре. Огромная хрустальная люстра нависла над столом.

У зеркала ковёр из серой козьей шерсти.

Белые шкафы с книгами.

Белый камин с серо-голубым креслом.

Руди просила старшего сына:

–Ты бы меньше времени проводил с Хитер. А то ходят нелепые слухи, будто у вас роман.

–Ты веришь этим досужим мнениям?

–Я не знаю, что и думать, когда вы допоздна сидите в лаборатории...

–О, и ты туда же! Почему пуританское общество не в состоянии поверить, что женщина может быть просто другом или просто сотрудником?

–А ты не боишься компрометировать своего друга-девушку? Или ты думаешь, что она настолько дурна, что ни один парень на неё не посмотрит?

–У нас под окнами целый полк неженатых кавалеров, кто-нибудь непременно влюбится в нашу Хитер. Вот возьму её сегодня на бал, пусть приглядится к женихам.

–Разумнее всего: не брать с собой Хитер!

–Мама, Хитер не служанка, а моя служащая ассистентка, такой же коммерсант, если хочешь: фабрикант-делец.

К брату заглянул Лайнус.

Мать похлопала младшего сына по плечу и сказала:

–Пойду, попудрю лицо ещё раз перед выходом.

Пожилая женщина вышла из кабинета.

Нолан заметил унылый вид брата:

–Лэнси, у тебя опять повис нос. Отчего хандра не покидает тебя? Ты – молод и красив: радуйся жизни.

–Видимо, хандра въелась мне в кровь. А женщин у меня с лихвой... Но они мне быстро надоедают.

–Ты их бросаешь, а они тебя клянут и проклинают...

–Да, в глазах наивных дуручек: я – подлец и негодяй. А я лишь устаю от однообразия. Невольной жертвой любви может стать любая, кто решится мне улыбнуться или заинтересованно глянуть... Но я никого не люблю, поэтому моё сердце глухо к их слезам. И как-то я устал от этой бессмысленной игры. С женщинами скучно: купил ей ошейник из драгоценных камней, и всё – бегаёт за тобой, как собачка. Бывает кто-то даст такой даме подарок побольше, так она бежит к другому...

–Окружил себя продажными дешёвками, и считаешь, что все женщины – твари. А ты выйди в нормальное общество, попроси у аристократки того же, что и у проститутки, и твоё лицо месяц будет хранить следы её веера, потому что руки о тебя марать не станут.

–Думаешь, стоит поискать достойную жену?

–Если ты созрел до того, что сможешь содержать семью...кто ж против?

–Я сам не знаю что хочу... Я до сих пор с ужасом вспоминаю завывания и упрёки Бианки. Но, надо полагать, Нолан, ты и сам не без греха. Жены-то у тебя не было и нет.

–Я хожу в публичные дома. Меня называют странным. Я накидываю на лица женщин покрывала. Не хочу их знать, не хочу к ним привыкать.

–А, может, представляешь лицо Ингрид?

–Всё реже, – кивнул старший брат и отвернулся.

Лайнус у крыльца дома Данкартов помог сойти с открытой кареты – лонди ассистентке Хитер. Девушка застенчиво поблагодарила, совсем не взглянув на него.

Тот заметил:

–Ты – родная сестра Бианке, но вы такие разные...

Нолан помог сойти матери.

Осмунд Данкарт встречал гостей, стоя у парадной двери с лакеями.

Старший Стронгхольд обнаружил новую деталь в лице соседа:

–У Осмунда такая хитрая улыбка, как у шулера, который удачно провернул дело.

Рудольфа отметила:

–Осмунд совсем высох под палящим солнцем Гималаев, у него столько морщинок у глаз, когда он улыбается...

Зрительный контакт Хитер со старшим Данкартом был мимолётен. Осмунд о ней успел подумать: «Ничего примечательного». Мисс Харфаух впечатлил образ повзрослевшего соседа: «Как обаятелен этот мужчина. Но нельзя выдать своих симпатий, это неприлично для девушки».

Нолан Осмунду:

–Сэр.

–Сэр Стронгхольд, – кивнул тот в ответ.

Ту же манипуляцию с хозяином проделал Стронгхольд-младший.

–Миссис Стронгхольд, – поклонился даме Данкарт.

Руди и Хитер присели в реверансе.

–Ну, что, раскрыли все тайны этого мира? – с шуткой вопрошал Нолан у Осмунда, – Наслышаны, что Вы своим ходом побывали в самых дальних уголках Гималаев.

Тот отвечал:

–Лишения, болезни, трудности делают жизнь интригующей...и потому интересной. Сидеть дома в сытости – значит скучать и прозябать. Экстремальные условия лишь закаляют меня.

Рудольфа покачала головой:

–И всё же, не понимаю: зачем лишать себя благ цивилизации?

Осмунд вздохнул:

–Вот и вернулся. Хотя...может, не смогу долго без гор и пеших походов.

Нолан напутствовал:

–Ну, если Вы – имморалистическое существо, не знающее болезней и усталости, то Вас ждут новые вершины.

Хозяин бала поинтересовался:

–А где ваш средний брат Хьюго?

Стронгхольд-старший отвечал:

–На военной службе. А его жена не любитель балов и развлечений.

–А эта милая особа – Ваша жена, мистер Нолан?

–Моя напарница на фабрике, ассистентка в лаборатории, совладелица от бизнеса. Это мисс Хитер Харфаух.

–Вы ещё держите слонов?

–Нет, наигрался... Я отправил их на фабрику таскать тюки с тканями...

Гости прошли в дом.

Нолану не понравился вернувшийся в родные края сосед, он бурчал:

–Осмунд так горд, будто сам вручную стаскал на Гималаи все камни, чтоб образовались горы.

–Не лицо, а расплывчатое пятно, – усмехнулась одна из дам, глядя на белёсую Хитер.

Рут Данкарт в платье цвета сольферино (ярко красный с коричневым) указала веером племяннице мужа, одетой в нежно зелёное платье с мерцающим серебром нитями в кружевах, на лысого толстого мужчину сорока лет:

–Вон потенциальный жених. Он для тебя огромную корзину с цветами подарил.

–Лорд Фордхэм? Фу...

–А что? С его деньгами запросто можно стать счастливой. Он скупает так много козьей шерсти, из которой вяжут и ткут популярные и известные на весь мир шали.

–А с кем это Эллери разговаривает?

Взгляды двух молодых женщин устремились на сурового вида мужчину лет тридцати пяти, с русыми волосами, уложенными наверх и обильно смазанными маслами. Его фигура, как и у Осмунда, отличалась атлетическим крупным сложением, а обилие мышц не могла скрыть никакая драпировка из ткани.

–Мистер Себастиан Уэлч. Имеет чайные плантации в Гималаях. Он интересовался твоим приданым у Осмунда. Твой старший дядя назвал очень приличную сумму, и мистер Уэлч сказал, что мисс Кьюб полна притягательности и очарования. Не дурён, но какой-то мрачный. Я же советую тебе ответить на ухаживания лорда Фордхэма. Вспомни, как все дружно завидовали и умилялись: какого принца отхватила никому неизвестная страшненькая Дороти! А на деле оказалось, что этот субъект – тиран, забияка, пьяница и самодур.

–Ты так говоришь потому, что Хьюго Стронгхольд на тебя тоже поглядывал.

–Да, но я любила Эллери. И что мне это дало? Ходила до свадьбы полгода с женихом, держась за руки, восторгалась им, а потом так больно плюхнулась с облаков на землю! Он оказался не богом, а простым грешным человеком, мотом и никудышным бизнесменом... Да и Эллери всё реже мне улыбается... Терпим друг друга... Любовь проходит, выходи замуж за лорда Фордхэма, он богаче.

Навстречу им шло семейство Стронгхольдов. Лайнус под вуалью ресниц Либби уловил едва скрываемый интерес, так часто девушка поднимала на него глаза.

Лэнс шепнул брату:

–Эти огромные глаза Данкартов впечатляющи, кажется, что они заглядывают в душу.

–Это ты об мисс Элизабет Кьюб? Держись от неё подальше. Не то ещё и передерётся. Если у женщины в глазах искорки, значит: тараканы в её голове что-то празднуют.

Мистер Уэлч пригласил Либби на французский танец котильон. Девушка согласилась составить ему компанию.

После танца она пошла попить лимонной воды, как услышала, как стоявший к ней спиной Лайнус Стронгхольд изливал душу какому-то другу, который сострадательно кивал.

Девушка прислушалась.

Лэнс говорил:

–Как в юности мы торопимся познать вкус любви, бросаясь в объятия порою первого встречного, кто благосклонно обратит на нас внимание.

–Так Вы не верите в любовь с первого взгляда?– не удержалась и встряла в разговор Либби.

Стронгхольд-младший отвечал:

–Любовь с первого взгляда – несусветная глупость, которая зачастую губит карьеру и ломает судьбу. Человек, разделяющий с тобой каждый день жизни должен понимать тебя, приветствовать твои начинания и подходить по темпераменту в постели.

Девушка вспыхнула, но не ушла. Она пила лимонную воду, опустив глаза.

Друг Лайнуса возражал ему:

–Боюсь, сейчас Вы говорите об идеале, встретить который можно лишь в мечтах.

Элизабет набралась храбрости и отвлечённо добавила:

–Я слышала: художникам присуща утончённость ощущений, их любовь идёт от самого сердца. Глубина и размах чувств не знают пределов.

Лэнс притворно потрясённо переспросил:

–Вот как? А я слышал, что творческие люди, не смотря на свою искренность, не могут долго любить одного человека. Им нужна новая муза для вдохновения.

Друг сослался на то, что его ждёт дама и ушёл.

Лайнус налил ещё лимонной воды и сунул в руку Либби, не давая ей уйти. Та удивлённо на него уставилась.

А молодой мужчина устрасшающе спрашивал у неё:

–Уж не намерились ли Вы превратить меня в объект своей охоты? К чему эти эпические образы влюблённых художников?

Мисс Кьюб залепетала:

–Девушки всегда стремятся к замужеству...

Он перебил её:

–Конечно! Это же халява! Сплошное иждивение.

–И я хотела бы узнать у Вас: кто из женихов лучше: мистер Уэлч или лорд Фордхэм? Ведь Вам нет равных в оценке добродетелей, милорд.

Это стало для него неожиданностью.

Но Лэнс с сарказмом отвечал:

–Знания я получил поверхностные, но, да, богатый житейский и жизненный опыт дополнил багаж ума. Выберете лорда Фордхэма – и будите пялиться на эту старую, жирную рожу день и ночь. А что касается титестера, этого дегустатора чая, Уэлча, то он вскоре убежит от капризной особы с меняющимися взглядами.

–Вы первый на этот раз оскорбили меня. С чего Вы решили, что я люблю менять взгляды? Я все последние годы люблю одного человека. Вас.

–Извините, я – болван,– настала очередь Лайнуса залепетать.

–Не говори о себе плохо – не делай за других их работу,– с лукавством и обидой в голосе дразнила его Элизабет,– Вот потому, что Вы – болван, я и выйду замуж за другого.

Лайнус взял себя в руки и опять паясничал:

–О, наверное, я долгие годы служил Вам прототипом для картин и был вдохновляющей музой. Я нисколько не поверил в любовь мегеры. Не шутите так больше.

–И что я только в Вас нашла? Буду рада избавиться от наваждения и забыться в объятиях Уэлча или даже Фордхэма, он и то лучше Вас, осыпает меня комплиментами, а не издёвками.

Элизабет со стуком поставила стакан на столик, от ёмкости даже днище отлетело от удара. Девушка развернулась и ушла. Ей попался лорд Фордхэм, который тут же пригласил её на очередной танец.

Нолан открыто по-дружески беседовал с Хитер.

К ним подошла Рудольфа и одёрнула сына:

– Не надо вводить в заблуждение общество.

Пожилая леди взяла девицу под руку и подвела к Осмунду. Вокруг Данкарта-старшего собралась большая толпа девушек на выданье. Хитер злилась на мать Нолана, которая, видимо, почувствовала, что девушка к нему неравнодушна.

Осмунд рассыпался в любезностях, развлекая гостей:

– Женщины, как поле с цветами: здесь и невзрачные полевые цветы и клумбы с роскошными сортами.

– Кто я? – кокетничая, спросила Рут.

– Росянка, – выдал тот, – заманила моего брата, как комара.

Лицо жены брата вытянулось в обиду.

Осмунд рассмеялся и успокаивал её:

– Шутка, Рут, шутка.

Девушки заверещали, требуя назвать какой они цветок. Мужчина рассыпал комплименты налево и направо.

Рут вздохнула:

– За что тебя женщины так любят?

– Потому, что я – умный, добрый и красивый.

– А почему не женишься?

– Повторяю для глупых: я – умный.

Рут хмыкнула и отошла от их компании.

Глядя на Хитер, Осмунд дал ей определение:

– Фиалка.

– Это Вы обо мне? – распахнула удивлённо свои прозрачно-голубые глаза девушка.

– Да.

– Но почему фиалка?

– Незатейливый цветок, но, тем не менее, почти всем нравится.

– А Вы знаете, что фиалка – символ гомосексуалистов? Вы намекаете, что я – переодетый мужчина?

– Ну что Вы... Просто в Вас есть что-то мальчишеское.

К ним подошёл Нолан, чувствуя, что назревает какой-то конфликт.

Стронгхольд-старший интересовался:

– А как там Ваша сестра Ингрид? Что пишет?

– Родила дочь Марту. Пишет, что дочь – это её копия.

Нолан кивнул.

Одна из девиц писклявым голосом вопрошала у альпиниста:

– Мистер Данкарт, что влечёт Вас на самую вершину гор?

Ценитель гор говорил торопливо, иногда проглатывая окончания, было видно, что он человек энергичный, эмоциональный и самовлюблённый, казалось, рассказывая, он любовался собою со стороны:

– Внизу остаётся суетное, мирское. А на верху – покой, умиротворение от встречи с небом, на вершине ощущаешь близость Бога, и начинаешь задумываться над сложностью жизни. Гималаи – вершина нашего мира. Начало нового года Гималаи празднуют обильным цветением: склоны низин пестрят цветами, жёлтая гамма переходит в лиловую, розовый цвет разбавляет оранжевый. Природа радуется своей весне. А замурованные снегом вершины гор

в сонном спокойствии ждут смельчаков-покорителей. И когда найдутся очередные скалолазы, горы покажут им свой крутой, непокорный нрав, и только самые упорные и сильные дойдут до пика.

–Зачем же без конца рисковать своей жизнью?– ахала сердобольная блондиночка.

Ей ехидно заметила Хитер:

–Успокойтесь, милочка: если сбесившийся с жиру аристократ разобьёт себе голову о скалы, от этого никто больше не пострадает.

Осмунд, Нолан и близстоящие барышни округлили глаза: мисс Харфаух была излишне груба!

Данкарт-старший переспросил:

–А Вы не слишком злоупотребляете моим гостеприимством?

А про себя подумал: «Как эта серая мышь посмела меня высмеять! Мерзавка! Наглючка!»

Сотрудница Стронгхольда-старшего продолжала унижать хозяина дома:

–Как же я забыла: такая персона, как Вы, должна получать восхваления строго по расписанию, с периодичностью в 10 минут!

–Значит, по-вашему, скалолаз не достоин похвал?– напирал альпинист.

–А Вам хотелось бы превратиться в легендарного героя, типа Геракла? Чтобы поэты славали оды в Вашу честь? А я вот не понимаю: зачем испытывать судьбу, играя в опасные игры!

–Лучше играть в странные игры, как Вы? Травить себя ядовитыми парами кислот? Нет уж, я лучше на свежем воздухе буду совершать физические упражнения,– парировал Осмунд.

Хитер распалилась до обидных прозвищ:

–Своим рискованным фиглярством лично мне Вы доказываете свою дурость.

Дамы ахнули. Нолан делал знаки замолчать.

Побледневший Данкарт-старший говорил грубиянке:

–Смею Вам заметить, что «сильно» выражаться в Высшем Свете – дурной тон.

–А я, к счастью, не принадлежу к Вашему обществу.

Тогда хозяин сделал замечание её спутнику:

–Мистер Стронгхольд, Вы не учите слуг вежливости.

Тот залебезил:

–Можно я извинюсь за мисс Харфаух? Простите меня, мистер Данкарт, что я привёл на бал такую невоспитанную девушку. И я же уже говорил Вам: мисс Хитер Харфаух уже давно у нас не служанка, а сотрудница в лаборатории и помощница на текстильной фабрике.

Хитер хмыкнула и направилась к выходу.

Осмунд потанцевал один танец с какой-то блондинкой, затем отыскал Эллери.

Младший брат заметил:

–Ты злой, как крокодил! Что случилось?

–Некая мисс Харфаух нелестно отзывалась о моём хобби скалолаза.

–Наплюй. Мало ли скандалистов.

–Мне покорилась не одна вершина, мне благоволят все барышни нашего общества...

–Все, кроме одной,– хихикнул Эллери.

–Ты про мисс Харфаух? Разве это цель? Ха-ха! Я сделаю так, что она полюбит меня.

Отомщу грубиянке.

–Маловероятно. Она любит Нолана.

–Нолана?

–Конечно! Разве ты не видел, как мисс Харфаух заглядывает в его глаза?

–Нет, я поборюсь за Хитер Харфаух,– упорствовал Осмунд.

–Это не горная вершина. Зачем она тебе? Испортим отношения с соседями...

–Хочу увидеть её в слезах от несчастной любви!

–Не знал, что ты стал так жесток...

2 мая. Вечер. Лаборатория на первом этаже в доме Стронгхольдов.

Нолан разводил кислоту с водой и ворчал на Хитер:

–Примкнула бы к восхваляющей толпе – не нажила бы себе врага в лице Осмунда Данкарта.

Девушка в ответ лишь вздохнула, типа: что сделано, то сделано, теребя ленты на дешёвом платье из пёстрой кисеи зелёных и жёлтых тонов.

Они не заметили, что за ближайшими кустами притаился сам Осмунд Данкарт и наблюдает за ними. Он был одет в лёгкую чёрную индийскую рубаху и тёмные брюки, белые волосы спрятал под шапочку. Данкарт удивлялся чисто деловому, строгому характеру отношений в лаборатории. Он вглядывался в Хитер, она не была красавицей, но её лицо казалось светлым, озарённым умом и мечтой; её грусть навевала тайну, которую хотелось разгадать. Осмунд вдруг захотел, чтобы это лицо озарилось улыбкой.

–Ты пропустила одну фазу, Хитер. Ты рассредоточена. Что с тобой?

–Этот Осмунд Данкарт из головы не выходит.

–Скоро все забудут о вашей словесной перепалке. Или Осмунд вновь уедет в горы, такие, как он, долго не сидят на одном месте.

Хитер выронила пустую колбу.

Нолан запсиховал:

–Нет, сегодня ты не настроена на работу! Я пошёл спать.

–Спокойной ночи, мистер Стронгхольд. Не волнуйтесь, я всё уберу.

Её начальник удалился быстрым шагом. Она побрела к венику, проходила мимо раскрытого окна, и увидела в проёме лицо Данкарта-старшего.

Возмутилась:

–Мистер Данкарт. Как Вам не стыдно следить за соседями? Какие секреты Вы тут вознамерились пронюхать?

Мужчина с лёгкостью перемахнул через барьер подоконника. И с показным жаром поцеловал руку ошарашенной девушке.

Заверял:

–Простите за незванный визит, не мог вытерпеть долгой разлуки.

–Маска шута не идёт титулованной особе. Вы пришли меня проучить, так? И какова Ваша месть? Желаете меня скомпрометировать?

–Какие гадости у Вас на уме, мисс Харфаух.

–Но я же назвала Вас... дураком... кажется...

–Если кто-то сказал тебе: «Дурак», не спеши думать, что он умный, возможно, он просто представился.

Девушка засмеялась.

Извинилась:

–Простите, что испортила Вам настроение вчера на балу. Вы такой остроумный... Можно назвать Вас кувшинкой – это символ красоты и красноречия в Древнем Риме.

Осмунд неожиданно проникся симпатией к мисс Харфаух.

Сделал комплимент:

–Вы красиво смеётесь.

–Спасибо. Но какова цель Вашего странного визита?

–Я уже сказал: хотел вновь увидеть Вас.

–Уходите, пожалуйста. Это как-то необычно и неприлично.

–Не хочу уходить.

Хитер повернулась к нему спиной, прошла за веником и совком, направилась к битому стеклу.

Осмунд узнавал:

–Нолан, что, никогда не делал попыток ухаживать за Вами?

–Нас объединяет лишь работа. Разве Вы сегодня не убедились в этом?

–А, по-моему, женихи все, как один, косо и предвзято судили о вашем совместном поиске красителей.

–У меня не было женихов. И почему сослуживцем не может быть женщина?

–Стронгхольд-старший хоть платит Вам подобающе?

–Он включил меня в долю на бизнес.

Пока она подметала, не заметила, как нарушитель границ частной собственности оказался у неё за спиной.

–Можно оторвать Вас от этого очередного глубокомысленного процесса?

–Зачем?– обмерла Хитер.

–Надеюсь, Вам понравятся мои добрососедские обнимания.

Невинно улыбаясь, Осмунд протянул руки к девушке. Оставив совок на полу, протестующим жестом она отгородила себя от пылкого соседа, вытянув вперёд веник. Мужчина вырвал из её рук это «оружие», отшвырнул куда подальше, и притянул стан Хитер к себе. Он торжествующе вглядывался в её испуганные глаза.

Она выкрикнула:

–Сексуальный злоумышленник!

Схватила тряпкой ещё горячий аллонж (стеклянную изогнутую трубку), и прислонила эту ёмкость к плечу насильника. Тот отпрянул и охнул. Хитер аккуратно положила аллонж на стол.

–Чёрт! Горячая колба выглядит точно так же, как и холодная,– ругнулся Осмунд,– Зачем пытаться соседей?

Девушка насмешливо:

–Это всего лишь реакция на внешнее действие. И это не колба, а аллонж.

Он спросил:

–Глянете, нет ли ожога? Можно снять рубашку?

Та с невинным видом переспросила:

–О, Вы уже научились спрашивать соизволения? У прислуги? Прогресс на лицо. Тогда, может, вспомните, что Вам домой пора?

–Я не сомневался, что в Вас нет ни капли сострадания.

–Увы, это был единственный способ утихомирить Ваш пыл, сэ.

–Я не расслышал, Вы сказали: «Увы» или «Ура»? Хитер, может, поговорим ещё?

–Можно уточню: только поговорим?

–Я буду вести себя достойно,– заверил Осмунд, потирая обожжённое плечо.

–Хуже незваного гостя может быть только невы провожаемый. А Вы – два в одном. Мне вспомнился миф об Орионе. Орион похвалялся, что уничтожит всех зверей на Земле, и принялся уничтожать всё живое. Гея в гневе создала огромного скорпиона, который и ужалил злыдня. Вот что бывает с теми, кто задумал злое. Ориона поместили на небо, так как за него вступились подружки Лето и Артемида, но боги расположили рядом и созвездие Скорпиона, чтобы тот стерёг покой Земли и неба.

–Но есть и другая интерпретация этой легенды. Орион воспылал любовью к Артемиде, и та обещала прийти на свидание, а вместо этого подлю наслала на него Скорпиона. Он пришёл на свидание, а обнаружил чудовище, которое ужалило его в самое сердце.

–Вот как опасно ходить на свидания,– рассмеялась Хитер.

Осмунд пытливо в неё вглядывался, спросил, сверля её глазами:

–А знаете, люди многое говорят, например, что у вас с Ноланом эксперименты не только в лаборатории, но ещё и в койке...

Хлёсткая пощёчина оглушила Данкарта. Но вместо того, чтобы накричать на прислугу соседа, он улыбнулся.

–Простите, мисс Харфаух, я просто проверил слухи.

–Таким заявлением Вы оскорбили не только меня, но и Нолана!

–Никогда не думал, что у Нолана столько выдержки...Он же не монах...

Пощёчина давала понять многим мужчинам об их недостойном поведении, но только не Осмунду, казалось, сопротивление лишь подстёгивает его к новым попыткам завоевать эту особу. Желание прижать её к себе, обнять и поцеловать становилось непреодолимым. Если первый раз он обнял её играючи, проверяя на порядочность, то теперь увлечение нарастало с каждой минутой. И с умной девушкой было ещё и интересно!

Девушка смушалась от разглядываний соседа, она вновь взяла совок и, немного развернувшись, искала глазами веник, желая, наконец, закончить уборку стёкол. Но, оказывается, нельзя терять бдительность, когда рядом мужчина! На этот раз соблазнитель так крепко обхватил её руками в объятиях, что у неё не было возможности пошевелиться. У Хитер промелькнуло в голове, что Осмунд так оболстителен, словно демон. Его губы соединились с её губами, и обоих наполнила божественная услада. Девушка так растерялась, что не сопротивлялась. Поцелуй своей новизной ощущений захватил её, голова кружилась, запах мужского тела пьянил. Поцелуй наполнял тела любовным томлением. И тут Хитер опомнилась, испугавшись. Совок всё ещё был в её руке, она двинула этой железкой по руке Осмунда. Тот вновь охнул, выпуская несостоявшуюся жертву из объятий.

Мужчина всё же нашёл силы пошутить:

–Кажется, сегодня я потеряю не только голову, но ещё и часть конечностей!

–Вы явно переоцениваете свои возможности! Вы красивы, но это не значит, что все девушки должны падать в Ваши объятия. Вы напираете наглостью, совсем не желая узнать характер и лучшие стороны души человека!

–Лучшие стороны души человека!– передразнил её Осмунд, его рука заняла сильнее, и он стал злиться,– Эти сказки придумали дурнушки, чтоб сделать себя привлекательней в глазах сильного пола, и чтоб красавиц очернить.

Девушка приняла его слова на свой счёт.

Она тоже набросилась на него с критикой:

–Хозяин больших высот! Может, нам повезёт, и Вы навсегда вернётесь в лоно природы!

–Синий чулок! Ты не горишь, а тлеешь! Не живёшь, а прозябаешь вдали от жизни и страстей! Твоя привычная иллюзия бытия не выходит за стены этой лаборатории и стен фабрики!

–Ваше обвинение смешно! Многие женщины вообще не покидают стен своего жилища!

Осмунд шёл к окну.

Сев на подоконник, он оглянулся на Хитер и процедил:

–Анютины глазки-фиалки означают в цветочном разговорнике: приятные воспоминания. Но после общения с такой Фиалкой, одни ругательства на уме!

–А Вы не сдержали слово дворянина не приставать! Более того, Вы распустили руки ... и губы...

–Я не смог с собой совладать,– кивнул уныло мужчина,– Потому, что меня сильно к Вам влечёт...

И он прыгнул с подоконника, исчезнув в темноте.

3 мая. Поздний вечер. Лаборатория в доме Стронгхольдов.

Нолан вышел, и Хитер собиралась закрыть окно, как Осмунд играючи перемахнул через подоконник.

–Не осмотрительно с Вашей стороны не закрывать окна...Или Вы вновь меня поджидали?

Она демонстративно не обращала на него внимания. Прошла за стол, стала возиться с какими-то порошочками. Это кольнуло самолюбие мужчины. Как она смеет игнорировать его! Мужчина всё же осмелился подойти к занятой экспериментами лаборантке.

–Почему Вы вчера не позвали на помощь?– интересовался он.

–Не хотела, чтобы из-за меня Стронгхольды рассорились с Данкартами.

–Благородно,– оценил Осмунд, затем со скучным видом узнавал,– Вам не скучно играть с этими бутылочками?

–У меня интересная, насыщенная жизнь, полная открытий. А у Вас, я смотрю, стало традицией влезать в наше окно.

–Хотите открыть новый элемент?

–Как нельзя дойти до края Вселенной – так нельзя исчерпать свои возможности.

–В науке, может, и нельзя, а вот здоровье с годами слабеет...

У Хитер не выдержали нервы, она раздражённо спросила:

–Что Вы здесь снова делаете?

–Решил сменить род деятельности. Из скалолаза переквалифицируюсь в химики. Буду переливать разные жидкости...– шутил сосед.

Девушка в тон ему подыгрывала:

–Вам бы всё развлечения искать. Химия – это труд и куча знаний, из Вас не получится даже лаборантки. Да ещё и со слабым здоровьем...Вместо чистого воздуха здесь пары кислот и разных других вредных смесей...

–Мне кажется, что я всё-таки неплохо сохранился для экстремала-туриста, который раза 3 тонул, 5 раз падал со скалы, а однажды меня едва не задушили таги, а сколько раз били...

–Так Вас ещё и крокодил, поди, не дожевал,– не выдержала и улыбнулась Хитер.

–О, как речь зашла о том, как меня была судьба, так Вы просто расцвели,– улыбался ей в ответ мужчина.

Её улыбка обманула его самомнение, он потянулся было к её лицу губами, как вместо поцелуя получил удар толстой книгой по лицу.

–Неисправимый бабник!– возмущалась девушка.

–Дурные поступки – моё кредо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.